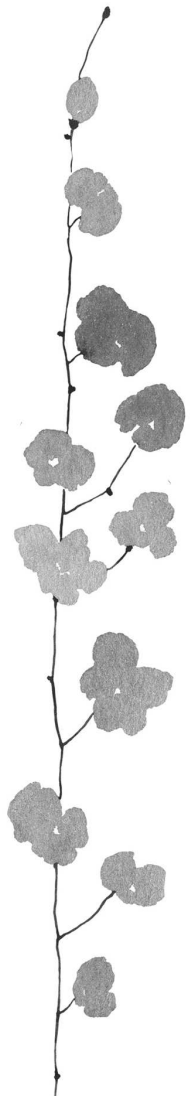

МОЙ
ПЕРВЫЙ РОМАН

ЕКАТЕРИНА
КАРЕТНИКОВА

НИКОМУ
Не ОТДАМ
Тебя

ГЛАВА ПЕРВАЯ
СОСЕД
ДЕВОЧКА И КУКЛА

Сегодня его бесило все: неизвестно откуда взявшееся пятно в самом центре экрана, нитка, торчавшая из носка, коротенькая, но твердая, музыка будильника, раздававшаяся за стеной каждые полчаса. И ее лайки. Ее бесконечные лайки. Лайки вместо разговоров. Лайки вместо того, чтобы встретиться и обняться.

Если бы она на самом деле его обняла, да пусть даже так, чтобы он не смог дышать... хотя откуда у нее силы на это? Так вот, если бы она на самом деле его обняла — такого, какого есть, теперешнего, когда уже ничего не исправишь и назад не вернешь, он, наверное, умер бы на месте. Не от нехватки воздуха, конечно. И даже не от стыда. Это пусть она и ее подруж-

ки думают, что ему есть за что стыдиться. А он-то знает, что нет. Ему виднее. Как она там говорила еще в самом начале? «Ты — мужчина, тебе виднее?» Как будто почти не шутила. И смотрела на него серьезными серыми глазами, а у него все переворачивалось и леденело, и потом начинало жечь так, что он не мог смотреть никуда, кроме — да кому теперь до этого есть хоть какое-то дело, куда он там не мог смотреть и где его обжигало? Теперь — никому. Даже ей. Теперь она смотрит на другого человека и рассказывает ему, что у нее там случилось с утра, и носит в сумочке мессенджер, открытый на диалоге с ним, с этим другим человеком. А, нет. Не носит. Она же выбросила смартфон. Так вот. Что же это он все время отвлекается? Если бы она обняла его на самом деле, он умер бы от счастья. От огненного, бессмысленного, но самого желанного на свете. Но она никогда его не обнимет. Она даже никогда с ним больше не встретится. И в этом никто не виноват. Никто, кроме него. Хоть он тоже не виноват. Просто в это никто не поверит.

* * *

Как может не хватать воздуха, он узнал этой осенью. Раньше думал: да ну, бред. Писатели придумали. Классики. Мало ли

чего они там напридумывали, чтобы людям было жальче их героев. Лишних людей и остальных. То ленивых, то трусов, то просто слабаков, с которыми сегодня не стал бы разговаривать ни один уважающий себя человек. Но то сейчас, а тогда ими очень даже интересовались. По крайней мере, те же писатели. Классики. Ну или про них сочинять было проще. А то попробуй, напиши про какого-нибудь путешественника, который и в Латинской Америке был, и в Азии, и в Африке его чуть не съели. Это сколько нужно материала изучить? Мама дорогая! А лишний человек знай лежит на кровати и думу думает. Посвататься, например, ему к соседней барышне или она для него слишком чиста? И так страниц двести, если не четыреста. Красота. Чего не написать?

Им, кстати, тоже иногда не хватало воздуха — и лишним людям, и их барышням. Но это от нервов. Или от жира.

А ему этой осенью не хватило, когда он вдруг ни с того ни с сего закашлялся, а когда перестал кашлять и хотел вдохнуть, вдруг понял, что не получается. Как будто через все горло натянулась непроницаемая пленка. Он попытался ее выплюнуть — не получилось. А новый приступ кашля уже подкатил к самому рту, и он помчался на кухню, чтобы открыть окно. Почему-то последним

светом сознания промелькнула мысль, что уличный воздух должен помочь.

Но помог не уличный воздух. Помогло движение. И даже, может быть, новый приступ кашля — он точно так и не понял. В общем, пленка то ли порвалась, то ли вылетела, и он остался как был, с выпученными глазами, слезами на щеках и широко открытым ртом.

Хорошо, что мама его таким не видела. И никто не видел. Какое-то время внутри еще бился страх, что приступ повторится, и натянется новая пленка, прочнее первой — тогда точно все. Но приступы кашля повторялись, а пленки больше не было, обошлось.

Он проболел три недели. Две — с температурой за тридцать восемь, а одну — без, в свое удовольствие. С ноутом, книжкой, смартфоном.

Это-то его и подкосило, наверное. Вот тогда он и дал слабину, которую показывать было нельзя, никому и никогда. А он размяк от болезни и поверил, что его тоже можно любить. Любить просто так, а не потому что он может сделать что-то полезное или, наоборот, не сделать, чтоб знали. Зря поверил. Особенно ей.

Хорошо, что потом ее подруга объяснила. Хорошо, да.

Почему таких вот подруг еще в детстве не отбирают по каким-нибудь неизменным

признакам и не отправляют куда-нибудь? Туда, где им было бы хорошо, очень хорошо. Но чтобы и остальным было хорошо. Без них.

Подруга была тощей, бесцветной, зато смешливой и разговорчивой до одури. Поначалу, когда он понял, что придется оставаться одному, попытался даже ухаживать за ней, но быстро сдулся. Не были ей нужны ни его корабли, ни старинные книги, ни журналы прошлого века, которые собирал еще дед. Ее интересовали селфи, подписчики, лайки и чтоб люди были известные, хотя бы в своем кругу, и чтоб если подруги, то только те, за которыми родители присылали автомобили с водителями. А он — ну он тоже годился, на первое время. Но только на первое время. Для разгона. Жаль, он это понял чуть позже, чем было нужно. Но ведь он тогда совсем одурел от боли, от предательства, от того, что опять придется становиться одиночкой. Или он всегда и был одиночкой, а остальное придумал в температурном бреде? В общем, подруга благополучно слилась, и он только вздохнул с облегчением. Мало ему было проблем и без нее? Вот именно.

Пятно с экрана он все-таки решил стереть. Достал салфетку, понюхал ее зачем-то. После болезни он почти все нюхал, проверяя — а есть ли запах? Вдруг опять пропал?

Салфетка не подвела, врезалась в ноздри ароматом спирта и абрикоса.

Он поморщился, осторожно потер экран. Пятно исчезло. Вот если бы все проблемы исчезали так же легко. Потер салфеткой и нет их.

На экране вспыхнуло уведомление. Ну да. Лайк. И от кого же? Он почти не сомневался, что от нее. Неужели она думала, что этими несчастными лайками можно хоть что-то исправить? Или ей было все равно? Главное, чтобы жизнь шла привычно и правильно?

Проснулась, лайкнула все, что попало, и пошла по накатанной колее?

Он с трудом мог представить, какая у нее там накатанная колея. Ванная, кухня, шкаф со школьной формой? Вряд ли у нее форма, как у него, висит на стуле. Девчонки аккуратные. Хоть особой аккуратности в ее рюкзаке он не замечал. Когда ему случилось пару раз тащить этот рюкзак, казалось, что в нем собраны учебники и тетради за все годы учебы и еще немножко игрушек, украшений и того, что девчонки носят с собой, но никому не показывают. Но тогда ему было не трудно. И даже нога почти не болела, хоть обычно отзывалась ноющей болью при каждой усиленной нагрузке. А тогда как-то все забывалось. Наверное, потому что он ее действительно любил. Не ногу,

конечно, и не нарузку. Любил или мог по-любить очень скоро. Но ей это было не нужно. И он был не нужен, как оказалось. Хорошо, что ее подружка ему все рассказала. Иначе, он бы до сих пор ходил дураком.

Они познакомились даже не в школе. В их школу он перевелся с первого сентября, но заболел — тогда еще обычной простудой — и на уроки пришел восьмого числа. Вообще-то, восьмерка была его любимой цифрой. Почти бесконечность, но не совсем.

Так вот, он возвращался из поликлиники и заходил в подъезд. Домофон сработал странно, пропищал тревожную трель, как будто у него был не тот ключ, но потом все-таки замок щелкнул, и дверь открылась. Может, лучше бы и не открывалась, потому что через секунду после этого его окатило волной терпкого аромата — то ли горького миндаля, то ли перезревшей вишни, только тоньше, нежнее, и он споткнулся на низенькой ступеньке и чуть не упал. Хорошо, что рядом были перила. Он схватился за них и стоял и смотрел, как мимо него пронесся тонкий розовый вихрь. Вихрь пронесся, а аромат остался. Секундой позже он сообразил, что на ступеньках осталось еще кое-что. Он наклонился и увидел брелок — куклу в синем платье.

Сначала он и не думал его подбирать, но потом увидел, что рядом на кольце блестит ключ. А ключ — это серьезно. Гораздо серьезнее брелока.

Он наклонился, поднял находку и, вытащив из кармана блокнот и карандаш (их носил с собой всегда), нацарапал объявление.

«Кто потерял брелок с куклой в синем, пишите в "VK"», и уточнил кому. Про ключ писать не стал, а то мало ли? Кто потерял, тот и сам знает. Вернее, та.

Он же видел, что розовый вихрь был девчонкой, его ровесницей, наверное.

* * *

Она написала вечером, когда он уже забыл и про брелок, и про объявление. Сидел в кресле и рассматривал свои любимые корабли. Не парусники, нет. Почти современные, многопалубные — для долгих круизов, для экспедиций, для путешествий из точки А в точку Б. Он тоже путешествовал однажды из точки Санкт-Петербург в точку Плёс и обратно. Круиз длился десять дней, и поначалу он думал, что сойдет с ума от безделья и скуки. Ведь там, на маршруте, даже интернет обещали не везде.

Интернет реально то и дело пропадал, зато можно было сидеть на палубе и смо-

треть не в экран смартфона, а по сторонам. На огромное озеро без берегов, на волны в полметра высотой, на белую пену, разбивающуюся о борт корабля. А потом озеро закончилось и их принял канал, с песчаными осыпающимися берегами и мутной желтоватой водой. Плыть по такой воде было тошно, но скоро начались шлюзы. Один за другим. И тогда уже почти все, кто был на корабле, кроме команды, конечно, вылезли на палубу и бегали с носа на корму и обратно, чтобы лучше видеть, как в камеру шлюза приходит вода, и теплоход поднимается, подталкиваемый со дна как будто огромной ладонью.

Еще были остановки. Но короткие, едва хватало, чтобы пробежать по набережной и побродить по какому-нибудь музею, чаще всего — краеведческому. Он не очень любил музеи, поэтому экскурсии по возможности прогуливал, а вот набережные его притягивали и каждый раз не хотели отпускать. Странное дело, Волга была одна, но казалась совершенно разной. Где-то широкой, как море, где-то обычной рекой, где-то бурной, где-то спокойной. Ему больше всего нравилось, когда вода разливалась и сияла на солнце зеркально-голубым пространством, и не было ей ни конца ни края. А еще ему нравилось искать на воде корабли. Огромные и крошечные, пассажир-

ские и грузовые, баржи и буксиры. Все они разрезали воду, все оставляли кильватерный след и запах сгоревшего топлива. И каждый уносил с собой свою историю. Может быть, не такую увлекательную, как в его любимых книжках, но все равно особенную. Ту, которую не знал никто, кроме самого корабля.

Остановки были короткими, и маленькие города слились в один сплошной поток, из которого ярко и солнечно высветились лишь Ярославль и Кострома. Впрочем, они и не были маленькими. И он знал об их существовании задолго до поездки.

А потом теплоход достиг самой дальней точки круиза и нужно было возвращаться. Впрочем, та, конечная точка стоила тысячу раз, чтобы до нее добраться. Городок, раскиданный на неровном берегу, где пришлось подниматься на почти настоящую гору и при тридцатиградусной жаре смотреть сверху на такую синюю, прохладную и недостижимую воду. А потом был музей Левитана и экскурсовод с сияющими от счастья глазами. Он подумал, что в первый раз видит человека, который настолько любит свою работу. И еще подумал, что вот было бы здорово так же когда-нибудь полюбить свою.

В общем, он сидел и рассматривал сначала корабли в книге, а потом в «ВК» летние фотографии, а она написала ему, что

потеряла брелок и что готова встретиться где угодно. В смысле, где ему будет удобно.

Ее звали Алина. Нет, только ни в каком случае не Аля, она ненавидит короткие имена. Ну, то есть, не ненавидит, конечно, — делать ей, что ли, больше нечего? Но она — Алина. Это понятно?

Он написал, что понятно, и подумал, что как-то слишком рано она начала выносить ему мозг, даже до первой встречи. Вернее, после, но до настоящего знакомства — вот как. Но заморачиваться не стал, а предложил ей встретиться у дверей подъезда.

Она, несмотря на собственные слова про встречу «где угодно», поставила грустный смайлик (как он не любил эти смайлы — поди разбери, что они значат в ее конкретном случае), но согласилась, конечно.

Он зачем-то отправил ей заявку во френды, но она не ответила. То ли не посчитала нужным принимать в друзья неизвестно кого (правильно, в общем), то ли уже вышла из Сети и не заметила.

Он посмотрел на часы и решил, что еще есть время переодеться. Нет, можно было бы пойти и в этих джинсах, вполне себе чистых, но мама всегда ругалась, когда он ходил в одном и том же дома и на улице.

